

Воспоминания злобного призрака Пинпин были пронизаны зловещей и подавляющей серостью, словно пыльные страницы старой книги. Когда раскрывались эти страницы, пыль вздымалась, окутывая всё плотной пеленой, от которой нечем было дышать.

Тишина сменилась лишь тогда, когда раздался чистый, звонкий звук.

В памяти возник силуэт мужчины. Он выглядел молодым, стоял под кленом и играл на бамбуковом свистке, подражая птичьему пению. Образ постепенно приближался, будто кто-то шёл к нему, и путешественники, включая Мяо Фанфэй, видели всё с точки зрения этого человека.

Ближе, ещё ближе...

Мужчина заметил приближение и обернулся с улыбкой:

- Пинпин, ты пришла.

- Я разучил новую мелодию, хочу сыграть тебе...

На этом воспоминание разом оборвалось, рассыпаясь на осколки. Мяо Фанфэй судорожно вдохнула, её дыхание участилось, а всё тело дрожало. В ней взорвалась волна такой неистовой любви и горя, что её буквально подташнивало, а сердце колотилось, как барабан перед битвой.

Остальные тоже ощутили это, кто-то сильнее, кто-то слабее, но чувство было одним и тем же. Прежде чем они успели прийти в себя, их вновь накрыло волной воспоминаний Пинпин - на этот раз яростью и такой глубокой скорбью, что казалось, будто всех затопило бурным потоком.

Теперь перед ними предстала сцена, похожая на ту, что они видели сегодня. Пинпин в наряде невесты народа дун стояла за кленом - тем самым, где она и А-Чэн поклялись друг другу в любви. Её возлюбленный действительно пришёл, но не один: рядом с ним была другая женщина.

Это была Фанфан!

Пинпин увидела серебряный браслет на её запястье, видела, как та нежно прижимается к А-Чэну, дразнит его, и сердце её разрывалось от неверия и боли предательства. Она бросилась к нему, требуя объяснений, но А-Чэн лишь связал её и бросил под деревом, сказав, что ей "нужно остыть".

Пинпин пыталась вырваться, но тело вдруг обессилело, лишившись всех сил. Когда голоса А-Чэна и Фанфан затихли вдали, она осталась одна - со связанными руками, завязанными глазами, в ужасающей тишине. Она плакала, безуспешно звала своего крылатого лиса - ничто не откликалось.

Вместо зверька пришли те, кто был хуже животных.

Ткань её одежды разорвалась, а страх и боль достигли такого предела, что чёрно-белые воспоминания затмились алым - будто её кровь или кровавые слёзы призрака скрыли ужасы той ночи. Чжао Хунту не выдержал и его вырвало, настолько сильно было это воздействие.

Из всех устояли лишь Хоу Фэйху, закалённый армией, да Ван Пэнпай с его стальной волей. Но безумному призраку не было дела до их состояния, и вскоре путники вновь погрузились в вихрь

памяти.

Пинпин, пойманную после попытки побега, не стали наказывать. Её отец, деревенский староста, заботился о дочери, спасая её каждую попытку суицида. Он даже намеревался сделать её своей преемницей, что поселило в Пинпин чувство вины. Когда же она снова попыталась покончить с собой, её спас... А-Чэн.

Оказывается, он всё это время сторожил у дома старосты, волнуясь за неё. В его глазах, уставших, но светящихся при виде Пинпин, читалась скорбь. Он признался, что никогда не любил Фанфан - всё это было гу-ядом, который та подсыпала. Теперь Фанфан казнили по обычаю, а староста искал тех, кто осквернил Пинпин в ту ночь.

Любящий отец, верный возлюбленный, последняя надежда семьи стражей гробницы - всё это заставило Пинпин передумать умирать и попытаться жить снова.

И тогда начался настоящий кошмар.

Следующие воспоминания пронесли стремительно, не давая путникам отдышаться: беременность, принятие ребёнка, переезд в пещеру под опеку А-Чэна... Но со временем даже эти чувства выцвели, словно чай, заваренный сотню раз.

Прошло сто лет, и лишь невероятная ненависть удерживала призрака Пинпин в этом мире. Память вновь залилась алым, когда она мучительно родила ребёнка, но так и не увидела его - ей сообщили, что он умер. Десять месяцев вынашивания, потеря дитя, подкосившее её здоровье... Пинпин осталась в пещере, впав в апатию, не замечая, как А-Чэн посещает её всё реже, а его забота становится формальной.

Вскоре он и вовсе перестал приходить, оставляя еду, которая портилась без замены.

Не случись того самого события, Пинпин тихо умерла бы в забвении. Но однажды, очнувшись от слабости, она увидела... Фанфан.

Фанфан, которую А-Чэн клялся, что казнили, была жива.

- А-Чэн устраивает пир из плоти младенца, а я пошла за травами.

В памяти Фанфан была размытой, но её глаза, полные сложных эмоций, виделись отчётливо. Говорила она с презрением, однако убрала в пещере, принесла свежие припасы и даже небольшой женьшень.

- Неужто до сих пор думаешь, что та ночь была случайностью?! Сваливай, убирайся подальше, деревне ты не нужна!

Вопросы, оставшиеся без ответа:

Почему Фанфан жива?

Зачем проводился пир из плоти младенца? Чья это была плоть?

Почему А-Чэн его возглавлял? Где её отец?

Кто лгал?

Что случилось той ночью?

□ В чём правда?

□ Кого ненавидит Пинпин больше всего?

Время будто застыло, и эти вопросы пронесли в головах всех присутствующих. Юй Хэань рыдал, не понимая почему, словно сломленный; Линь Си рыдала до потери сознания – настолько сильны были эмоции столетнего демона. Даже Хоу Фэйху погрузился в скорбь.

Лишь Ван Пэнпай сохранял ясность.

- Так дело не пойдёт...

Он тяжело вздохнул и шагнул вперёд, быстро отвечая на вопросы призрака. Осознав, что это не просто воспоминания, а настоящий испытание, он понял:

1. Фанфан никогда не умирала – её просто скрывали от Пинпин.
2. Ребёнка Пинпин убили, чтобы использовать как "плоть младенца". Пир устраивали, чтобы подавить злобу убитого младенца, а также скрыть, что А-Чэн ел её одного – легче замаскироваться среди многих.
3. Отец был болен, потому что дух А-Луна истощал его тело. А-Чэн же был избран как сосуд для возрождения А-Луна.
4. Лгали все. Фанфан не умерла. А-Чэн не был под действием гу. Староста знал, кто участвовал в изнасиловании, но не расследовал.

Лоб Ван Пэнпая покрылся испариной – в условиях давления призрака держать в голове семь вопросов и отвечать на них детально было нелегко.

Это похоже на тест по пониманию текста во времена школьной учебы: отличники могли дать краткий, но исчерпывающий ответ, получив высший балл, а двоечники, хоть и списывали целые страницы, чаще всего промахивались мимо сути.

Поэтому, напрягая все извилины, он выдавил из себя:

- В ту ночь... в ту ночь в печёнку, которую ела Пинпин, подмешали снотворное, поэтому она была так слаба. А-Лун, который уже контролировал А-Чэна, под предлогом побега выманил её и привязал к клёну. Он изнасиловал её, чтобы она зачала ребёнка. Но так как А-Лун, по сути, был уже злобным духом, даже заняв человеческое тело, он сохранял иньскую природу, и в обычных условиях дитя не смогло бы родиться. Поэтому, чтобы усилить янскую энергию... мужчины из деревни Разрезанных Скал поочередно... Кхм-кхм.

Ван Пэнпай не договорил, потому что ощутил, как зловещая аура неуспокоенного духа пронеслась по воздуху, словно лезвие, и от этого леденящего чувства опасности его передёрнуло. В любом случае он уже ответил на вопрос достаточно подробно, поэтому перешёл к следующему.

В чём же заключалась истина?

Ван Пэнпай тщательно подбирал слова, стараясь не упустить ни единой детали.

- Истина в том, что А-Лун тяжело заболел и был при смерти. Староста деревни использовал запретный ритуал переноса души, чтобы разделить душу А-Луна между летучей лисицей и

своим собственным телом. Затем он выбрал А-Чэна, который родился в тот же день, месяц и год, чтобы тот стал окончательным сосудом для возрождения А-Луна. Во время ритуала «Плача невесты» они подстроили всё так, чтобы Пинпин зачала. Младенца съел А-Лун, чтобы его остаточная душа прочнее закрепилась в теле А-Чэна.

Пот стекал по его лицу, но Ван Пэнпай не вытирал его, стараясь говорить только о том, в чём был точно уверен. Он избегал скользких тем, вроде того, чьим ребёнком было дитя – А-Луна или А-Чэна? Или когда именно староста превратился в зомби? Он никогда не был силён в анализе, даже во время тренировок в группе редко получал высший балл. В конце концов, это был всего лишь опасный уровень Путешествия, и, наверное, достаточно было ответить в целом верно.

Наконец дойдя до последнего вопроса, Ван Пэнпай мысленно вздохнул с облегчением, но, столкнувшись с, казалось бы, самым простым вопросом, он замялся.

Кого больше всех ненавидела Пинпин?

Ненавидела ли она тех зверей, которые её насильовали? Или А-Луна, задумавшего всё это? Или старосту, который её обманул? Она ненавидела их всех... но как определить, кого сильнее?

К тому же Ван Пэнпай не был уверен, о какой именно ситуации спрашивали: кого больше всего ненавидит Пинпин в своих воспоминаниях, в той пещере, или уже после того, как она отомстила и стала неуспокоенным духом?

Злобная аура духа сгущалась, её терпение было на исходе. Ван Пэнпай стиснул зубы и сделал ставку наугад.

- Пинпин больше всех ненавидит А-Чэна.

Если говорить о ситуации в пещере, когда Пинпин только узнала, что Фанфан жива, и поняла, что групповое изнасилование не было случайностью, то, вероятно, больше всего она ненавидела А-Чэна – за его постоянный обман.

Где любовь глубока, там и ненависть сильна.

А уж в делах любви Ван Пэнпай знал толк!

- Ответ неверный.

Эээ... На лице Ван Пэнпая застыло выражение полного недоумения. Хриплый, пронзительный голос, похожий на крик филина, раздался у него в ушах. После превращения в злобного духа Пинпин потеряла свой приятный голос, и теперь её слова звучали так же противно, как если бы кто-то царапал ногтями по школьной доске.

Когда мир снова задрожал, готовый поглотить их в воспоминания неуспокоенного духа, Ван Пэнпай взбунтовался.

Какого чёрта! Даже у тряпичной куклы есть предел терпения! Возможно, он ошибся только в последнем вопросе, но он был уверен, что в остальном ответил верно на 80-90%! Но было известно, что злобные духи редко бывают справедливы – обычно они действуют по своей безумной логике. Бывали случаи, когда за единственную ошибку дух заставлял начинать всё сначала.

Если бы Пинпин была Королевой Призраков, Ван Пэнпай бы смирился. Но она была всего лишь злобным духом, и он не собирался под неё подстраиваться!

Как раз когда Ван Пэнпай собрался достать артефакт, чтобы разобраться с ней силой, дрожание мира внезапно прекратилось. Всё вернулось на свои места, и путешественники, погружённые в яростные эмоции призрака, начали приходить в себя. Хоу Фэйху резко очнулся, быстро оценил ситуацию и тут же подхватил Чжао Хунту, который был без сил, а затем помог Мяо Фанфэй, которая всё ещё мучилась от тошноты.

Что вообще произошло? Разум быстро восстанавливался. Кажется, Ван Пэнпай ответил на семь вопросов Пинпин?

Неужели это действительно было необходимо?!

Хоу Фэйху мгновенно осознал всё и похолодел от ужаса. Он инстинктивно посмотрел на Ван Пэнпая, но тот мрачно уставился на человека, которого Пинпин держала на руках.

- Пинпин, ты ненавидишь меня?

Всего одна фраза - и безумный дух Пинпин успокоился. Разумеется, это мог вызвать только тот, кого она держала на руках! Ван Пэнпай скрипел зубами от несправедливости. Он тут пахал, как проклятый, отвечая на её вопросы, и ни капли благодарности, а Бин Цзю, этот удачливый альфонс, сумел очаровать Пинпин, и она уже готова была забыть обо всём.

Как тут можно оставаться спокойным? К тому же Ван Пэнпаю казалось, что Бин Цзю очнулся как раз в самый удобный момент - как раз когда он собирался достать артефакт, чтобы усмирить духа. Теперь, когда угроза исчезла, а остальные путешественники пришли в себя, Ван Пэнпаю пришлось недовольно засунуть артефакт обратно и наблюдать за представлением Бин Цзю.

Вэй Сюнь ничуть не стеснялся того, что его, взрослого мужчину, злобный дух Пинпин держала на руках, как принцессу. Он даже дотронулся до её щеки, подцепив на палец каплю крови, и мягко произнёс:

- Хорошая девочка, не плачь.

Вэй Сюнь пришёл в себя, как только путешественники попали в воспоминания Пинпин, но не торопился действовать. Он тоже погрузился в её воспоминания. Пока что он не получил уведомления о завершении задания - вероятно, потому что оно требовало либо остановить процесс появления особой летучей лисицы, либо убить её. Но даже сейчас в его груди бились два сердца, хотя остаточная душа А-Луна в детёныше уже была поглощена, и маленькая лисичка спала.

Может, Гильдии Путешественников нужно время для оценки, но Вэй Сюнь не переживал. Когда детёныш поглотил воспоминания А-Луна, он получил часть его памяти, включая сцены мести Пинпин и поражения А-Луна.

Узнав об этом, Вэй Сюнь точно понял, кого Пинпин ненавидела больше всего. Однако он всё ещё не предпринимал никаких действий, размышляя о завершении достопримечательности. Как гид он знал, что после завершения этого этапа им предстоит сесть в машину, присланную Гильдией, и вернуться вместе с ней. Только после прибытия к конечной точке можно будет выбрать: вернуться в виртуальный зал Гильдии или выйти в реальный мир.

Ван Пэнпай мог атаковать прямо в машине. У него было множество способов, и Вэй Сюнь не мог гарантировать, что не будет похищен. Он предпочитал сохранять инициативу в своих руках, и даже если собирался сблизиться с командой Ань Сюэфэна, он не хотел делать это ни как Бин Цзю, ни как связанный с ним человек.

Поэтому он не хотел садиться в эту машину.

Готовясь к возможным трудностям, Вэй Сюнь уже обдумывал решение. Как раз в этот момент наконец появилось уведомление Гильдии:

[Динг! Вы заполучили детёныша мутировавшей летучей лисицы!]

[Детёныш мутировавшей летучей лисицы – монстр высшего особого ранга, имеющий две формы: обычной летучей лисицы и ожившей летучей лисицы. В форме обычной летучей лисицы (в процессе мутации) характеристики изучаются. В форме ожившей летучей лисицы всё тело пропитано яростной злобой.]

[Прогресс открытия нового объекта «Горный лес летучих лисиц»: 100%. Гильдия гордится таким выдающимся гидом, как вы! Уважаемый господин Бин Цзю, вы получаете право свободного выбора награды!]

[Награда 1: 20000 очков, зелье повышения уровня SAN.]

[Награда 2: Особое задание.]

Если бы другие гиды увидели награды Вэй Сюня, они бы позеленели от зависти! 20 000 очков – это мелочь, самое ценное – это зелье повышения уровня SAN! Дело в том, что у большинства гидов нет постоянной команды, и восстановить уровень SAN очень сложно. И как раз во время использования их главного приёма – «Обратного отсчёта до нуля» – их SAN неизбежно падает.

Никто не хочет сойти с ума и превратиться в монстра, и в такой момент зелье повышения уровня SAN было бы настоящим спасением! Такое зелье невероятно редко встречается, его нельзя купить или продать – получить его можно только в качестве награды за выполнение задания. Если бы Вэй Сюнь выбрал первую награду и выставил зелье на аукцион Гильдии, оно ушло бы за бешеные деньги!

Но Вэй Сюнь даже не думал о деньгах. Его взгляд скользнул по первой награде и остановился на второй.

За выполнение задания по открытию нового объекта в качестве награды предлагалось ещё одно особое задание?

Насколько же оно должно быть редким и необычным?

Вэй Сюнь почувствовал азарт. В любом случае у него была Именная Карта, и ему пока хватало очков, поэтому, недолго думая, он выбрал вторую награду.

Получив задание и пробежав его глазами, он удивлённо приподнял бровь.

Оно того стоило.

Теперь у него был способ избежать поездки в машине и вернуться в Гильдию.

Но сейчас главное – пройти третий объект.

Вэй Сюнь вовремя пришел в себя, как раз когда услышал, как Ван Пэнпай отвечает на вопросы. Когда тот ошибся в последнем вопросе, и свирепая нежить Пинпин снова обезумела, Вэй Сюнь почувствовал от Ван Пэнпая нарастающее ощущение угрозы. Он дождался последнего момента и «очнулся».

У Ван Пэнпая есть артефакт, способный убить Пинпин.

Вэй Сюнь спустился с рук Пинпин, встал на землю и почувствовал, как её рука, которая держала его, сжалась. Он в ответ схватил её за руку и с наигранным недоумением спросил:

- Ч-что случилось?

- Что происходит?

- Ты потерял сознание, - невозмутимо ответила Мяо Фанфэй.

Эмоциональный взрыв крайне истощает энергию, особенно если приходится сочувствовать злобному духу. Но все они были опытными путешественниками и не собирались подводить команду в последний момент. Мяо Фанфэй позволила своей змее Банбан укунить её. Яд проник в тело, заставив её вздрогнуть. На её бледном лице проступили два неестественно красных пятна, но в целом она выглядела бодрее.

Путешественники с опаской посмотрели на А-Чэна, не зная, вселился ли в него дух А-Луна или он вернулся в нормальное состояние. По идее, им предстояло иметь дело с одержимым А-Луном А-Чэном, но раз он держит за руку свирепую Пинпин, а та ранее вырвала дух из бумажной Фанфан, похоже, что всё уже давно вышло за рамки обычного сценария квеста.

Теоретически следующим заданием должно было стать изгнание А-Луна из тела А-Чэна, изменение истории и помощь Пинпин и А-Чэну в побеге. Но на самом деле вся деревня Разрезанных Скал и третий аттракцион находились под полным контролем злобного духа Пинпин. Она могла делать что угодно, и выполнение заданий перестало быть главным. В квестах с участием злобных духов подобное случалось часто, и путешественникам приходилось полагаться на импровизацию.

Пока Мяо Фанфэй общалась с А-Чэном, Хоу Фэйху взглянул на время. Десять вечера - оказывается, уже прошло два часа. До полуночи шестого дня оставалось всего два часа.

Главное было понять, какого результата хочет добиться свирепая Пинпин.

Но как только А-Чэн взял её за руку, она перестала двигаться. Она просто стояла позади него, устремив взгляд на А-Чэна, словно он был единственным, что её интересовало.

- Спасибо, что помогли мне и Пинпин, - искренне сказал А-Чэн, держа её за руку.

Он то и дело тревожно оглядывался назад, словно боялся, что за ними погонятся деревенские.

- Пинпин, пойдём скорее.

Ещё недавно свирепый дух покорно позволил себя увести. Эта сцена выглядела настолько невероятной, что Мяо Фанфэй и остальные не знали, что и думать.

Они шли за А-Чэном и Пинпин, соблюдая дистанцию. Мяо Фанфэй немного отстала, чтобы подойти к Линь Си.

- Бумажка.

Порванный листок с историей был у Линь Си, но текст на нём изменился. Строки «Девушка снова поверила мужчине и решила бежать с ним. Но в назначенный вечер он так и не пришёл...» исчезли, заменившись на кроваво-красные:

«В назначенную ночь мужчина пришёл, как обещал...»

А на обратной стороне появились две новые строки, написанные мелкими чёрными буквами:

«Они говорили о своих чувствах, утешали друг друга и в конце решили уйти жить в горы, покинув деревню, где выросли...»

- Это А-Чэн! - воскликнул Чжао Хунту, но тут же нахмурился. - Но как разобрались с остатками души А-Луна?

- Весь третий аттракцион находится под контролем злобной Пинпин, - тихо сказала Мяо Фанфэй, но её лицо оставалось напряжённым. - Бумажные куклы в деревне Разрезанных Скал, Фанфан, староста и даже А-Чэн - все в её власти.

- То есть мы просто играем с ней в дочки-матери.

Линь Си был одновременно взволнован и напуган.

- «Плач невесты» закончен! Нам не обязательно выполнять последующие задания, нужно просто дожить до прибытия автобуса!

Когда А-Чэн очнулся, все путешественники получили уведомление - квест «Плач невесты» завершён. Побег Пинпин и А-Чэна был бонусным заданием, и путешественники могли выбрать: отдохнуть в деревне или пройти этот квест. Автобус ждёт их на окраине деревни к полуночи шестого дня.

Скоро Путешествие закончится, и он снова увидит Бин Цзю! Линь Си был вне себя от радости.

- Зачем мы всё ещё за ними идём? Автобус будет в деревне, а нам придётся возвращаться!

- Если хочешь назад - иди один! - резко оборвал его Чжао Хунту. - Поменьше болтай!

Он был напряжён сильнее, чем во время противостояния с Пинпин. Остальные тоже выглядели мрачными и настороженными. Линь Си почувствовал напряжение в команде и замолчал.

- Это ещё не конец, - тихо сказала Мяо Фанфэй, не сводя глаз с Пинпин и А-Чэна впереди.

Они шли всё быстрее, но пейзаж вокруг не менялся. Её сердце сжималось от тревоги.

- Надо дожить до часа ночи, и обязательно выйти за пределы деревни. Автобус ждёт за её границей.

Разве мы уже не вышли?

Линь Си недоумевал, но, похоже, кроме него и Юй Хэаня никто не разделял его сомнений. Все остальные выглядели мрачными и напряжёнными - неужели он глупее даже Юй Хэаня? Стиснув зубы, Линь Си решил не спрашивать и попытаться самому во всём разобраться.

Но к тому моменту, когда тряпица переходила из рук Мяо Фанфэй к Ван Пэнпаю, затем к Хоу Фэйху, Чжао Хунту и, наконец, к Линь Си, он так и не нашёл ответа. Линь Си мельком взглянул на листок и увидел, что последние строки по-прежнему гласили:

«Они говорили о своих чувствах, утешали друг друга и в конце решили уйти жить в горы, покинув деревню, где выросли...»

Не видя изменений, он уже хотел передать её дальше, но вдруг застыл, уставившись на бумажку с выражением ужаса.

- Чёрные буквы... Почему чёрные?.. - прошептал он, будто одержимый.

Фраза звучала так, словно история подошла к концу, и Линь Си с самого начала не обратил внимания, что чёрный текст означал нерешённые проблемы, а красный - уже изменённые факты.

Как раньше чёрные строки «В назначенный вечер он так и не пришёл...» сменились на красные «В назначенную ночь мужчина пришёл, как обещал...», после чего появились новые чёрные: «...покинув деревню, где выросли...»

Линь Си в ужасе огляделся. Вокруг темнел лес, и тени деревьев походили на монстров, готовых наброситься. Они шли уже как минимум пятнадцать минут - неужели они до сих пор не покинули деревню?

То ли деревня была огромной, то ли...

- Пинпин, ты устала?

А-Чэн впереди мягко спросил. Идти по горной тропе было тяжело - узкой, скользкой, легко было оступиться и упасть. К тому же в горах полно ядовитых насекомых и змей, нужно было постоянно быть начеку.

- Давай я тебя понесу.

Пинпин не ответила, но Вэй Сюнь решил, что она согласна, взял её на спину и зашагал дальше, напевая.

Это была та самая мелодия, которую А-Чэн когда-то играл на листе для Пинпин.

- Мы построим дом у ручья, заведём кур и уток. Говорят, за горами много интересного, но сейчас там война, опасно.

Вэй Сюнь бормотал что-то тихим голосом, будто мечтая о будущем с Пинпин. Она молчала, слушая, но он не обращал внимания и продолжал описывать идиллическую картину.

Но у Мяо Фанфэй и остальных настроение было далеко не радужным. Поскольку текст на тряпице не менялся, значит, хотя они и идут, но по-прежнему не выходят за пределы деревни. От этой мысли по спине побежали мурашки.

- А-Чэн, кажется, мы заблудились.

Прошло ещё пятнадцать минут, но ничего не изменилось. Хоу Фэйху переглянулся с Мяо Фанфэй, и она решительно шагнула вперёд.

- Тётя Мяо, вы всё ещё здесь? - удивлённо спросил А-Чэн, смутив её.

Но ей было не до этого. Мяо Фанфэй махнула рукой, указывая направо:

- Вон та могила - мы уже прошли мимо неё три раза.

- Три раза?

А-Чэн посмотрел в указанном направлении. Могильный холм был невысоким, едва заметным, и только отсутствие травы и свежая земля выдавали его.

В горах растения растут быстро, и без ухода могилы быстро зарастают. Это место явно было необычным. А если они миновали его трижды, значит, они ходили по кругу.

Заблудились в потустороннем лабиринте!

- Да, кажется, я помню, - А-Чэн, наконец, заметил неладное. Он задумался.

- Пинпин, мы ведь уже проходили здесь, да?

Пинпин по-прежнему молчала, а А-Чэн, неся её на спине, подошёл к могильному холмику. Он опустил Пинпин на землю, затем торжественно опустился на колени перед могилой и начал что-то бормотать. Мяо Фанфэй, понимавшая язык Мяо и дун, прислушалась, но не разобрала слов - вероятно, А-Чэн говорил на местном диалекте. Даже не понимая смысла, все могли догадаться, о чём он просил.

Очевидно, он извинялся за беспокойство, обещал принести дары в будущем и умолял «старшего» сжалиться над ними, учитывая их тяжёлый путь.

Они решили, что это проделки хозяина могилы, из-за которых они попали в «заколдованный круг». Но Мяо Фанфэй и другие понимали: в этом месте не могло просто так появиться могила. Она определённо была связана с прошлыми событиями.

Когда А-Чэн, поклонившись несколько раз, поднялся и вновь понёс Пинпин дальше, Хоу Фэйху почувствовал дурное предчувствие.

- Вся третья достопримечательность под контролем Пинпин. Она не может покинуть деревню Разрезанных Скал, потому что заточена здесь, - сказала Мяо Фанфэй.

- Могила - ключ.

- Если она сдерживала злобного духа сто лет, значит, внутри что-то особенное.

Голос Чжао Хунту звучал возбуждённо, в глазах вспыхнул азарт. Артефакты, способные подавлять злобных духов, всегда были редкими. Если в этой могиле действительно лежал предмет, удерживавший Пинпин целый век, его ценность трудно было переоценить.

Теперь он точно хотел выполнить дополнительное задание! Уже видя свет в конце тоннеля, Чжао Хунту мечтал урвать побольше:

- Возможно, это вещь Ма Лаосы. Может, он пришёл в Улошань гнать покойников, заметил, что Пинпин превращается в злобного духа... Иначе как объяснить, что такой мастер неожиданно погиб от рук чёрного Цзяна, а последний заход поручил своему ученику Ма Мяо?

- Когда Ма Лаосы водил покойников, Пинпин ещё не умерла.

Хоу Фэйху покачал головой:

- Даже если это артефакт, способный запечатать Пинпин, его бы не закопали в таком маленьком холмике.

Пока они говорили, они снова вышли к могиле. Увидев её вновь, А-Чэн явно растерялся. Он что-то шепнул Пинпин, затем подошёл к могиле, снова преклонил колени и на сей раз молился ещё усерднее, даже стукнулся лбом о землю. Но Мяо Фанфэй и другие понимали: его усилия напрасны. Они уже договаривались оставить двоих исследовать могилу, а если понадобится – раскопать её.

Уже почти одиннадцать, через час приедет автобус. Пора было действовать!

Заметив, что Ван Пэнпай снова молчит, Мяо Фанфэй бросила на него взгляд. Он смотрел на А-Чэна...

И тут её осенило.

А-Чэн дёрнул Пинпин за рукав, словно прося её тоже встать на колени!

Но кто смеет требовать этого от злобного духа?!

Бин Цзю, ты с ума сошёл?!

Ван Пэнпай, хоть и задумался, не сводил глаз с Бин Цзю. Увидев это, он мысленно выругался. Ведь А-Чэн – это же Бин Цзю! Неужели он так вжился в роль, что решил, будто может заставить Пинпин встать на колени?

...Если только это могила не...

Чёрт.

Ван Пэнпай проклял про себя. Теперь он понимал, как сильно ошибся в последнем вопросе и кого на самом деле ненавидела Пинпин.

Под напряжёнными взглядами Пинпин, ведомая А-Чэном, действительно опустилась на колени рядом с ним.

Леденящий ветер рванул от неё во все стороны, заставив всех содрогнуться.

В следующий момент зрачки Хоу Фэйху сузились, Чжао Хунту ахнул – все уставились на могилу.

Порыв ветра сдул верхний слой земли, обнажив белесые человеческие кости. Это была действительно могила, только не с артефактом, как думал Чжао Хунту. Но покойный лежал без гроба, лишь присыпанный землёй – словно брошенный на произвол судьбы.

Не дожидаясь объяснений, Ван Пэнпай закапал в глаза бычьих слёзы и вгляделся. Сюй Чэнь был без сознания, а значит, проверить скопление злобы и смерти должен был Юй Хэань.

Но тот, посмотрев, лишь недоуменно промычал:

- Тут... ничего нет.

- Совсем ничего?

- Ни капли злобы. Странно, му-у... Кровь пахнет так сильно - значит, этого человека убили жестоко. Как может не быть злобы?

Он прикрыл рот, едва не чихнув, и потянулся за флаконом.

- Накапаю ещё...

- Не надо, брат Юй.

Ван Пэнпай махнул пучком травы перед его лицом, отвлекая.

- Ты и так почти стал быком, хватит слёз.

Теперь у Юй Хэаня на щеках и подбородке росла коричневая шерсть, похожая на щетину. За время Путешествия он переборщил с бычьими слезами, и мутация прогрессировала. Сначала на Тропе Зловещих Костей он топает, как бык, а теперь он уже чует запах крови на костях - значит, он на пределе.

- Убит жестоко, но без злобы?

Мяо Фанфэй сосредоточилась на разгадке. Вернувшись в Туристическое бюро, любую проблему можно решить за очки. Главное - вернуться!

- Разве так бывает? Может...

- Пинпин, посмотри, рядом с костями лежит серебряный браслет?

Слова А-Чэна прервали её мысли, и в следующее мгновение всё встало на свои места.

Она поняла.

Это могила А-Чэна.

- Какое странное совпадение, узоры точно такие же.

Вэй Сюнь понизил голос. Рядом с ним становилось всё холоднее, будто он стоял у открытого морозильника.

Он осознавал всю опасность момента, но не спешил. Аккуратно положив браслет обратно, он присыпал кости землёй, поднялся и, держа Пинпин за руку, многозначительно сказал:

- Какое удивительное совпадение. Мы с «старшим» связаны судьбой, и он обязательно благословит нас, верно?

Он улыбнулся Пинпин. Чёрные глаза духа смотрели на него, отражая бурю эмоций, но в конце лишь пустоту.

- Он был добрым человеком. Он бы благословил всех, кто по-настоящему любит.

Голос Пинпин прозвучал ледяно:

- Но я - нет.

Кровавые слёзы потекли по её лицу. В тот же миг злоба вырвалась наружу, и пейзаж вокруг изменился - они снова стояли у клёна за домом А-Чэна.

Но дерево было уже не в рост человека, а гигантским, раскинувшим крону. Руины дома и деревни говорили: с тех пор прошёл век.

Больше не было иллюзии, созданной духом. Теперь перед ними была реальность.

Над деревней висел кроваво-красный туман злобы, сплетаясь в грязные цепи, уходящие к небу. В её центре маячила чёрно-алая фигура.

Исторически Пинпин уже отомстила: убила всю деревню, старейшину, А-Луна - всех, кто её предал. Даже после смерти у неё не должно было остаться сожалений, и тем более - столько злобы.

- Единственный, кто не предал её, но кого она жестоко убила, заставил духа добровольно заточить себя здесь и заодно - всех остальных, - мрачно сказал Ван Пэнпай, оказавшись рядом с А-Чэном.

Это был А-Чэн.

Увидев воспоминания А-Луна, Вэй Сюнь знал, с какой ненавистью Пинпин убивала его. И как мучительно было осознание, что на самом деле это был не он.

Убитый с такой жестокостью, но без злобы в костях.

Потому что его душа всё ещё была там, лишь подавленная А-Луном. Но её разрушила сама Пинпин.

Её злоба заперла всю деревню в прошлом и заодно - её саму. Все получили по заслугам, кроме одной - духа, убившего любимого.

Вэй Сюнь вертел в руках чёрный кинжал.

Кровавый кинжал Пинпин. Убивающий того, кого она ненавидит больше всего.

Прошло сто лет. Все её враги давно умерли. Теперь она ненавидела лишь себя.

<http://bllate.org/book/14683/1308997>